

Концепт «добро» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

*Лисицкая Елена Павловна,
к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, На-
циональный Университет «Юридическая акаде-
мия Украины имени Ярослава Мудрого», г. Харьков*

Аннотация: в статье анализируются особенности отражения концепта «добро» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Выделяются средства, указывающие на концепт, способствующие его узнаванию в тексте произведения (поверхностные и глубинные индикаторы). Делается вывод о неоднозначности концепта «добро» в его отражении в романе.

Концепты в настоящее время занимают большую часть исследований, связанных с изучением картины мира. В работах современных ученых предлагаются различные способы их классификации, методы исследования способов их вербализации в языковой картине мира¹.

Фрагменты концептуальной картины мира фиксируются в языке средствами номинации и символизации, позиционными схемами предложений, свободными словосочетаниями, текстами и совокупностями текстов. Поэтому отражение концептуальной картины мира в художественном тексте намного сложнее: в нем участвуют не только средства номинации и символизации, но и единицы, логически или ассоциативно связанные с номинирующими или символизирующими. Именно благодаря последним достигается не фрагментарное, а целостное отражение КKM. Кроме того, художественный концепт интегрирует разные представления (позиции персонажей, повествователей и др.) о фрагменте действительности, в нем разные смысловые грани взаимодействуют друг с другом.

Концепт «добро» является ключевым в любой культуре, у любого народа, поэтому можно с уверенностью сказать, что этот концепт является центральным в русской концептуальной и, соответственно, в языковой картине мира. В бытовой или повседневной картине мира этот концепт связывается у людей с благом, светом, теплотой чувств, жертвенностью, спокойствием. Но есть ли четкий ответ на вопрос: что есть добро? Является тот или иной поступок человека проявлением добра? Относительность этого понятия выражена в поговорке «Что одному хорошо, то другому может быть плохо» («What is good for one is bad for another» англ.). Поэтому интересным представляется, как же концепт отражается в художественном произведении.

В художественном произведении могут не употребляться лексические единицы, называющие определенные понятия, нет специальных рассуждений на эту тему, но читатель понимает и чувствует, что речь идет именно о

1 Вежбицкая, А. Понимание культур через средство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001; Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Гнозис, 2004; Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004; Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Еднгоризал УРСС, 2005.

том или ином концепте. В художественном тексте можно обнаружить средства, сигнализирующие о соответствующих концептах, указывающие на них, способствующие установлению логических и ассоциативных связей с ними. Мы называем их индикаторами².

Индикаторы могут быть выражены языковыми средствами (морфемами, словами, словосочетаниями, предложениями), а могут быть ситуативными (сюжетные элементы, фрагменты, портретные описания).

Обратимся к анализу отражения концепта «добро» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Как в языковой, так и в художественной картине мира идея добра эксплицируется в гораздо меньшей степени, чем идея зла. В романе «Мастер и Маргарита» с добром непосредственно связаны главы о Понтии Пилате. Носителем идеи добра выступает Иешуа Га-Ноцри и его ученик Левий Матвей.

В первой главе о Пилате прилагательное «добрый» в словосочетаниях «добрый человек», «добрые люди» употребляется 12 раз и является прямым индикатором³. Появление бродячего философа во дворце Пилата в качестве обвиняемого ассоциируется у читателя с библейскими рассказами о Христе. В данном случае языковые средства выражения индикаторов идеи добра взаимодействуют с экстралингвистическими. Описание одежды обвиняемого, его первые слова о вере и разрушении Ершалаимского храма связываются с общими знаниями библейских рассказов у носителей языка. Целый эпизод можно воспринимать в качестве индикатора общих знаний, или экстралингвистической пресуппозиции.

Как видим, в первом эпизоде прямым выражением концепта «добро» являются слова с семой «добро». Но кроме словосочетаний «добрый человек» и «добрые люди» таких слов мало, и идея отражена в романе косвенно.

Если зло связано со злыми намерениями, умыслом, действиями, несущими беду и разрушением чего-либо, то добро в христианской морали связывается с сопереживанием и самопожертвованием (в романе Левий Матвей хочет убить Иешуа, чтобы облегчить его страдания, а затем покончить жизнь самоубийством), спокойствием, равновесием и покорностью (ответ Иешуа на грубое обращение), с непротивлением злу насилеием (реакция на оскорбление), святой верой в добро (рассуждения Иешуа об отсутствии злых людей на земле). Добрая сила Иешуа — в свободе духа и разума. Иешуа раскрывает свою суть как силу добра, проповедуя учение чуждым ему людям, делает добро прокуратору, считает и называет всех «добрыми людьми», видя причину не в людях, а в обстоятельствах («несчастный человек...изуродовали его, он стал жесток и черств»). На страницах романа, описывающих мир зла города Ершалаима, необычное поведение Иешуа является индикатором идеи добра. Индикатором в данном случае можно считать столкновение оппозитивных значений (грубый — покорный, ответ на зло — добро, гнев — спокойствие).

Поверхностными индикаторами авторской прагматики (указывающими на концепт сразу и представляющими авторскую позицию) являются в романе такие

2 Лисицкая, Е. П. Индикаторы отражения концептов в художественном тексте // Русская Филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды: научно-методический журнал. 2009. № 4 (41). С. 54.

3 Лисицкая, Е. П. Указ. соч.

ремарки к словам Иешуа, свидетельствующие также о силе доброго начала: «Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова», «Секретарь ничего более не записывал, а только, вытянув шею, как гусь, старался не проронить ни одного слова», «Секретарь смертельно поблудел и уронил свиток на пол», «Секретарь думал теперь только об одном, верить ли ему ушам своим или не верить». Почему автор подчеркивает такую странную реакцию на слова обвиняемого? Обыкновенные слова героя о храме истинной веры, доброй природе человека и другие являются необычными, неординарными для мира, где царит зло. Поэтому поведение секретаря и является своеобразным авторским индикатором идеи добра.

Добро в «Мастере и Маргарите» отражается на фоне зла. Как и в реальной жизни, добро чувствуется лучше, острее в мире, где царит зло. Глубинные индикаторы связаны с темой мастера и Маргариты. Такие индикаторы связаны с философскими знаниями, индивидуально-авторскими символами или традиционными, но наполненными новым содержанием, образными средствами, особенностями воплощения авторского замысла. Они являются глубинными, т.к. требуют расшифровки содержащейся в тексте авторской идеи посредством установления логических связей или использования дополнительной экстралингвистической информации (исторических, философских знаний) для идентификации идеи добра или зла. Так, в романе любовь ассоциируется с добром, поскольку предполагает готовность на самопожертвование во имя любимого человека, обречение себя на муки для счастья и спокойствия другого. Поэтому отношения мастера и Маргариты, их действия и поступки можно считать глубинными индикаторами концепта «добро». В данном случае глубокий смысл переживаний героев заключается в себе и тему прощения, и самоотречения, и внутреннего благородства, и, наконец, идею противоборства добра и зла в человеке.

После неудач, связанных с опубликованием романа, мастер попадает в «дом скорби» и решает не подавать Маргарите никаких вестей о себе, искренне желая ей счастья с другим человеком, то есть комфорта и спокойствия. Маргарита, в свою очередь, страдает так сильно, что готова идти «хоть к черту», чтобы узнать хоть что-нибудь о мастере. Поступки героев не являются прямым выражением доброй природы, но они связаны с идеей добра ассоциативно. Идя на сделку с дьяволом, Маргарита руководствуется одним желанием — узнать о судьбе возлюбленного. Исполнив роль королевы на балу сатаны, Маргарита может просить о выполнении любого ее желания. Помня о возлюбленном, Маргарита неожиданно просит Воланда удовлетворить просьбу несчастной Фриды, жертвуя при этом своим сокровенным желанием, ради которого была готова отдать душу дьяволу. Этот поступок можно рассматривать как глубинный индикатор концепта «добро». Маргарита делает добро Фриде, жертвуя своим счастьем. Теперь она находится уже вне власти сил тьмы: природная доброта, проявляющаяся в готовности пожертвовать сокровенным желанием в пользу решения судьбы постороннего человека, не поддается силам зла. Но тем не менее трудно однозначно ответить на вопрос, рассматривать ли эти поступки героев как добро. В реальном мире только религиозная мораль решает вопрос, что есть добро, однозначно. В христианстве добро всегда связано с

покорностью, смирением, непротиплением злу насиллем, жертвенностью, сопереживанием. Но в сознании людей четкого ответа на этот вопрос нет. Не подавать вестей любимому человеку — добро? Не обрекает ли это на еще более острые страдания? Но герой, жертвуя своей любовью и причиняя этим страдания любимой, желает ей добра и счастья с другим человеком. Принять на время зло (отдать душу дьяволу) ради добра — можно ли считать это победой добра? Зло во имя добра? Проблематичность этого вопроса выражена в пословице: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». В романе тоже дается двусмысленный ответ. Молчание мастера, такое его «добро» заставило Маргариту продать душу дьяволу, то есть приобщиться к миру зла. Но, совершив сделку, Маргарита делает добро чужому человеку.

Анализ романа и языка романа показывает: что такое зло, люди хорошо представляют — и это ярко отражено в романе, добро ни в реальном мире, ни в его отражении в художественном произведении однозначно не определяется. Прямых индикаторов концепта добра мало, а косвенные индикаторы могут быть осмыслены по-разному и даже привести к противоположным выводам.

Литература

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267 — 279.
2. Афанасьева, О. В. Особенности лексической репрезентации художественного концепта (на примере концепта времени в произведении Р.М. дель Валье-Инклана «Весенняя соната») // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета: Труды и материалы. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. — С. 43-44.
3. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Гнозис, 2004. — 389 с.
5. Лисицкая, Е. П. Индикаторы отражения концептов в художественном тексте // Русская Филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды: научно-методический журнал. — 2009. — № 4 (41). — С. 52-57.
6. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2004. — 255 с.
7. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. — М.: Еднгорыал УРСС, 2005. — 312 с.
8. Сергеева, Е. Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике [Электронный ресурс] // Вестник ВЭГУ. — 2009. — № 3 (41). — URL: <http://www.work.vegu.ru/vegu/vestnik/DocLib/3-41%20sergieva.pdf>